

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ ПЕТРОВО- СОЛОВОВ

СКАЗКА ПРО СЛАВНОГО ЦАРЯ
ГОРОХА И ЕГО ПРЕКРАСНЫХ
ДОЧЕРЕЙ ЦАРЕВНУ КУТАФЬЮ
И ЦАРЕВНУ ГОРОШИНКУ

Василий Петрово-Соловово

**Личная земельная
собственность по аграрной
программе партии
«Мирного Обновления»**

«Public Domain»

1906

Петрово-Соловово В. М.

Личная земельная собственность по аграрной программе партии «Мирного Обновления» / В. М. Петрово-Соловово — «Public Domain», 1906

«Еще задолго до созыва Государственной Думы, а также и во время её краткой деятельности, образовавшимися у нас политическими партиями вне Думы и группами, сложившимися внутри её, было выставлено много проектов реформы землевладения в особенности крестьянского, необходимость которой всеми сознавалась тогда точно так же, как и сознается теперь. Громадное большинство таких проектов, «аграрных программ», исходило из радикальных политических партий и групп. Поэтому почти все они заключают в себе или немедленную и откровенную экспроприацию в пользу государства не только крупной, но и средней, а иногда и мелкой земельной собственности, или её постепенное и более или менее замаскированное упразднение...»

Содержание

I	7
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Василий Петрово-Соловово

Личная земельная собственность по аграрной программе партии «Мирного Обновления»

Еще задолго до созыва Государственной Думы, а также и во время её краткой деятельности, образовавшимися у нас политическими партиями вне Думы и группами, сложившимися внутри её, было выставлено много проектов реформы землевладения в особенности крестьянского, необходимость которой всеми сознавалась тогда точно так же, как и признается теперь. Громадное большинство таких проектов, «аграрных программ», исходило из радикальных политических партий и групп. Поэтому почти все они заключают в себе или немедленную и откровенную экспроприацию в пользу государства не только крупной, но и средней, а иногда и мелкой земельной собственности, или её постепенное и более или менее замаскированное упразднение. Почти все они являются или в совершенно обнаженном социалистическом облике, или набрасывают на него более или менее прозрачное покрывало. Почти все они густо окрашены классовой ненавистью, стремлением освободить крестьянство от «помещика», выжить последнего во что бы то ни стало из Деревни, отобрав у него землю без всякого вознаграждения или заставив его уступить ее по наивозможно дешевой цене. Сторонники такого решения земельного вопроса исходят из основного убеждения, что вся земля должна быть в распоряжении исключительно «трудящегося» класса, при чем этот термин они понимают исключительно в смысле грубого, ручного, мускульного труда, пахоты, косьбы и т. п. В силу сложившихся исторических обстоятельств таким классом может быть только крестьянство. Умственный труд, приложенный к земледелию, сам по себе не считается достаточным *titulus juris* для обладания землею на правах собственности, ни для пользования ею. Хотя мы и принадлежим к самым решительным противникам переустройства нашего экономического быта на основах социализма, но мы не находили нужным при настоящем положении вопроса выступать против таких попыток земельной реформы. Мы убеждены, что всепобеждающая логика фактов при первой попытке от общих мест и ничего незначащих громких фраз перейти к практическому решению вопроса представит неотразимые доказательства нелепости мечтаний установить какой-то особенный деревенский, полевой социализм при сохранении капиталистического строя для всех остальных видов собственности, не исключая и городских земель. Но вот уже после роспуска Государственной Думы сложилась новая политическая партия, в состав коей вошли наиболее умеренные конституционные элементы нашего первого парламента и нашего образованного общества. Довольно близко сходясь по своему политическому и социальному мировоззрению с «Союзом 17-го октября», эта новая политическая фракция «Партия Мирного Обновления», как она себя наименовала, выступила с детально разработанной программой по всем главным сферам государственной и экономической жизни страны. Само собою понятно, что вопрос о наилучшем устройстве как крестьянского землевладения и землепользования, так и земельной собственности прочих классов государства должен был занять в её программе видное место. Оставаясь на строго индивидуалистических началах, отстраняя всякую попытку как частичной социализации, так и общей национализации земли партия «Мирного Обновления» гораздо более, нежели её соседи слева, проникнута стремлением примирить в области земельного законодательства интересы различных привязанных к земле слоев нашего государства. Не вдаваясь в детальное рассмотрение всего этого сложного вопроса, имеющего уже свою обширную литературу, мы имели в виду в предлагаемом труде подвергнуть посильному разбору лишь те основные положения программы партии «Мирного Обновле-

ния», на которых она полагает наилучшим образом утвердить частновладельческое, если можно так выразиться, предпринимательское землевладение.

I

Сходясь, как это было выше указано, в основных положениях довольно близко с «Союзом 17-го октября», партия «Мирного Обновления» однако существенно расширяет его аграрную программу в вопросе о принудительном отчуждении частновладельческой земли с целью наделения малоземельных и безземельных крестьян. «Союз» допускает принудительное отчуждение частной земельной собственности только в крайних случаях, как совершенно исключительную меру, указанную государственной необходимостью и могущую получить практическое применение только тогда, когда все остальные способы удовлетворения земельной нужды (добровольная покупка, переселение, расселение и проч.) оказались бы недостаточными. Нельзя не признать, что такая постановка вопроса заключает в себе некоторую неопределенность, и что самые слова «государственная необходимость» могут вызвать различное толкование. Этот недостаток может и должен быть устранен более точной формулировкой положения, что, мы уверены, будет сделано в среде самой партии. Но не меньшей, а скорее еще большей неопределенностью того же вопроса страдает партия «Мирного Обновления». В ст. 39 её аграрной программы¹ без всяких ограничительных оговорок в числе подлежащих отчуждению земель указываются, наряду с казенными, удельными, кабинетскими, монастырскими, и частновладельческие земли в потребном для этого размере и в установленной постепенности. Как велик этот «потребный размер», и в какой степени должна ему удовлетворять частная земельная собственность? Должна ли она поступиться только известной, быть может очень незначительной, частью или раздробиться на мелкие хозяйства? – об этом не сказано ни единого слова. Хотя и говорится о каком-то максимуме землевладения, устанавливаемом для каждой местности, но нигде не сказано, должен-ли он выразиться в тысячах, сотнях или десятках десятин земли. Самое установление максимума землевладения для одного лица независимо от того, какой размер будет принят за максимальный, по нашему убеждению глубоко несправедливо и совершенно не нужно. Таким ограничением частного землевладения думают бороться с так называемыми латифундиями. Слово это в последнее время не сходит с столбцов наших передовых газет и превращается в разрывной снаряд, который они со всего размаха бросают в частную земельную собственность, а главным образом в ненавистных им «помещиков» (почему не просто землевладельцев?), которых во что бы то ни стало надо выжить из их имений как родовых, так и благоприобретенных. Надо же, наконец, уяснить себе: что же это такое русские латифундии, и какой собственно вред они могут в будущем причинить русскому земледельческому классу. «*Latifundia perdidere Italiam atque provinciam*», сказал в I веке по Р. Х. Плиний Старший, и слово это пошло гулять по свету. Если уж *perdedere* не только «*Italiam*», но и «*provinciam*», значит латифундия что-то очень нехорошее, с чем необходимо, как можно энергичнее, бороться. Плиний совершенно прав, усматривая одну, но конечно не единственную, причину экономического упадка Римского государства в сосредоточении земли в руках сравнительно небольшого числа богачей. Рядом с этим процессом шло постепенное закрепощение всего сельского населения, превращение его из свободных людей в колонов, а постепенно и в рабов. Ничего подобного в современном государстве невозможно. Даже очень крупное землевладение вполне совместимо в нем не только с политической свободой страны, но и с её экономическим ростом. Одна девятая часть всей пахотной земли Германской империи, имеющей около 40 миллионов гектаров, распределена между 17-ю землевладельцами, из коих наименьший (князь Вид) имеет 110,000 гектаров, а самый круп-

¹ Для удобства справок эта программа помещена в виде приложения к настоящей работе.

ный (князь Ватгенштейн) – 1,220,000 гектаров.² Принимая во внимание разницу в густоте населения в количестве и в стоимости земли в России и в Германии, нельзя назвать наших земельных богачей по сравнению с германскими иначе, как мелкопоместными. Точно также вся территория Англии разделена между крупными землевладельцами, и мелкой земельной собственности там почти не существует. Английский рабочий, скопивший своим трудом небольшой капитал, лишен возможности купить себе участок земли и поневоле должен помещать свои сбережения в процентные бумаги. И эта концентрация земельной собственности ни в Германии, ни в Англии не имеет сколько-нибудь заметной склонности к ослаблению. Тем не менее ни в законодательстве обеих названных стран, ни в программах парламентских партий не замечается тенденции бороться с этим явлением теми мерами, которые предлагаются у нас, а именно революционным, насильственным раздроблением земельной собственности и установлением такого порядка, который создал бы чисто формальные преграды её новому сосредоточению. Часто приходится читать и слышать, что в России, стране земледельческой и по преимуществу крестьянской, вопрос о возможно равномерном распределении, годной для сельского хозяйства, земли имеет гораздо большее значение, нежели в Западной Европе. Но если в настоящее время Россия имеет по преимуществу земледельческий характер, то следует ли из этого, что она сохранит его навсегда? Законы издаются не на один год и даже не на десятки лет, а в особенности такие, которые в корне изменяют весь экономический строй государства. Ведь, еще очень недалеко то время, когда наши марксисты горячо доказывали необходимость скорейшего перехода нашего отечества к капиталистическому строю во всех экономических областях, не исключая и земледелия. В нем они видели единственное средство к улучшению благосостояния государства. В соответствии с таким взглядом они настойчиво рекомендовали государственной власти всеми мерами поддерживать фабрично-заводскую деятельность и крупное землевладение, хотя бы и в ущерб мелкому. Откуда же произошла такая резкая перемена во взглядах? Где гарантия её устойчивости и окончательного торжества нового взгляда над прежним, еще так недавним? А если такой уверенности нет, то невозможно и закреплять этого взгляда положительным и бесповоротным государственным законодательством. Мы вовсе не намерены защищать верность взгляда русских марксистов, но мы не видим и основания проводить диаметрально противоположный взгляд. Что же делать? На этот вопрос – ответ один: предоставить экономический процесс его естественному развитию. Он совершается на наших глазах, и только слепой может его не заметить. Он начался много лет тому назад, но в самое последнее время под влиянием наступившей смуты он особенно обострился. Частная земельная собственность у нас не только не сосредоточивается в руках капиталистов, но обнаруживает самую решительную склонность к раздроблению. Причины этого лежат глубоко и в экономическом строе, и в народной психологии и сводятся главным образом к следующему: *Во-первых*, демократический характер русского народа решительно не мирится с принципом единонаследия, майората или минората и требует разделения наследства между сыновьями на основании полного равенства. Новое гражданское уложение еще более расширяет этот принцип, устанавливая равенство наследственных прав между лицами обоего пола. *Во-вторых*, сильное вздорожание земельных цен, начавшееся со времени освобождения крестьян и непрерывно продолжавшееся до самого последнего времени, сделало для очень многих крупных землевладельцев невыгодным держать в земле большие капиталы, с которых они получают сравнительно невысокий процент. Наконец, *в третьих*, все увлажняющиеся условия сельского хозяйства создают все большие и большие трудности как в административном, так в экономическом отношениях. Все труднее и труднее становится приискивать лиц по своим знаниям, такту и опытности способных удовлетворять с каждым почти годом усложняю-

² См. Бебель. Социализм и женщина. Стр. 241.

щимся отношениям к сельским рабочим и окружающему сельскому населению, и с другой стороны все больший и больший оборотный капитал приходится вкладывать в сельскохозяйственное дело, а следовательно нести все больший и больший риск, и тем более крупный, чем крупнее предприятие. Естественным последствием такого порядка является дробление земельной собственности, что и замечается повсеместно в России. Сильный толчок этому движению дали недавние аграрные беспорядки. На западе, кроме майоратного права, такому дроблению противодействует возможность разделения крупного имения не только без ущерба, но и с пользой для него на участки, отдаваемые в долгосрочную аренду, у нас это почти невозможно. Фермерства в западно-европейском смысле у нас не существует; наши арендаторы совершенно не похожи на английских, немецких или итальянских. В отличие от последних, они не улучшают имения приложением к нему рациональных приемов хозяйства и капитала, но за весьма редкими исключениями самым хищническим способом ухудшают его, портя, а иногда и истребляя лесные насаждения, распахивая склоны, засоряя реки и источники и истощая почву посевами без всякого удобрения, часто хлеб по хлебу, — благо земля «выносит». Никто из сельских хозяев не станет спорить против того, что земля, находившаяся более или менее продолжительное время в аренде, в особенности у крестьян, нуждается в долгом «отдыхе» под пастбищем или сенокосом, или должна подвергаться в продолжение нескольких лет усиленному удобрению для восстановления хотя бы части своего прежнего плодородия. Другими словами: для восстановления её доходности в нее необходимо вложить новый капитал. Под давлением всех этих причин происходит непрерывное раздробление русской земельной собственности. В последние два года к ним присоединилась и та неуверенность в завтрашнем дне, та всеобщая паника, вызванная крестьянскими волнениями, поджогами и погромами усадеб. Надо надеяться, что это последнее явление лишь временное, что с наступлением умиротворения страны оно исчезнет. Но не подлежит никакому сомнению, что последствием переживаемого нами смутного времени будет широкая распродажа частновладельческих имений и исчезновение латифундий, столь ненавистных не только левым политическим партиям, но, как теперь оказывается, и центру.

При таких обстоятельствах естественно рождается вопрос: нужно-ли вообще вводить в законодательство какое-либо принудительное отчуждение части частновладельческих земель и формальным законом определить наибольший размер частного землевладения? Если мы взглянем вокруг себя, то мы увидим, что положительно вся Россия продается. Государственные кредитные учреждения завалены работой, и землевладельцы, заявившие свои земли в продажу, по целым месяцам ждут оценщика земельных банков. Если государство воспользуется, как должно, переживаемым сельским хозяйством кризисом, то можно, кажется, с уверенностью утверждать, что оно осуществит добровольно ту самую земельную реформу, совершить которую принудительно его так усиленно призывают наши радикальные партии. Всякое внешнее принуждение, от кого бы оно не истекало, от самодержавного или от конституционного правительства, в одинаковой мере противно гражданской свободе личности, одна из форм которой есть право собственности, понимаемое как право неограниченного приобретения и отчуждения её. А кажется никогда еще не говорили у нас так часто и так много о принуждении, как с того времени, когда мы вступили на путь освободительного движения. Едва-ли может быть в интересах не только политически-свободного, но и какого угодно государства запретить не стесняющую ничьего права и ничьей свободы гражданскую сделку относительно продажи и покупки участка земли между двумя лицами только потому, что у одной из договаривающихся сторон имеется в собственности земля в совершенно произвольно установленном максимальном размере. В таком случае на выручку явится конечно третье лицо, которое купит этот излишек, но при этом не упустит удобного случая извлечь для себя выгоду от устранения конкурента, и в результате получится только убыток для продавца и больше ничего. В том, что сделка состоится не между А и В, а между А и С местное

население совершенно не заинтересовано, тогда как и гражданские интересы, и гражданское право как А, так и В будут существенно нарушены. Такой стеснительный закон представил бы благодарную почву для всяких ухищрений, всякого рода обходов в виде фиктивного перевода излишка земли на имя жены, детей, родственников, покупки земли чрез подставных лиц при помощи закладных или долгосрочных аренд, как это и теперь в широких размерах практикуется евреями в Западной России. Словом, для всякой недобросовестной изворотливости открылось бы широкое поприще, и с новым земельным законом, если только ему будет суждено осуществиться, может произойти то-же, что произошло с законом о ростовщичестве: он будет мертвой буквой. «Всеу законы писать, ежели их не исполнять» – это слово Петра Великого не мешало бы получше помнить. Разумеется, нет никакого основания искусственными мерами тормозить начавшийся процесс дробления земельной собственности, но в равной мере было-бы и неполитично и неправомерно принуждать к нему. Что же касается вредного влияния неравномерности распределения богатств и не одних только земельных, но и всяких других, то современное государство имеет в своем распоряжении средства ослабить его путем как пропорционального, так равно и прогрессивного обложения не только доходов, но также и имуществ. А если все-таки, несмотря ни на что. там и сям по необозримому пространству русской земли сохраняются хорошо организованные, правильно эксплуатируемые и вооруженные достаточным оборотным капиталом имения, хотя бы и крупного размера, и даже (*horribile dictu!*) с роскошными усадьбами, то никакого ущерба никому от этого не будет нанесено. Не останавливая общее дробление земельной собственности, они явятся наглядным примером проявления энергии, трудолюбия, знания, а такие примеры имеют громадное нравственное значение во всяком человеческом обществе, а тем более в русском, которое в них особенно нуждается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.